

Осмонакун Ибраимович Ибраимов –

доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Национальной Академии наук Кыргызской Республики, почетный профессор Шанхайского университета международных отношений, Чрезвычайный и Полномочный Посол Кыргызской Республики, в 2001–2005 гг. – Государственный секретарь Кыргызской Республики

Крест и плаха

Чингиз Айтматов как последний писатель империи

Он ушел из жизни пять лет тому назад, предварительно написав свой прощальный роман с символическим названием «Когда падают горы (Вечная невеста)». Писатель был прав: неотвратимый социально-политический катаклизм конца XX века привел к разрушению этой гигантской неприступно-заоблачной Горы – к падению огромной евразийской империи по имени Советский Союз, к утрате многих людских иллюзий столетия не только внутри, но и далеко за пределами страны. История зафиксировала этот факт

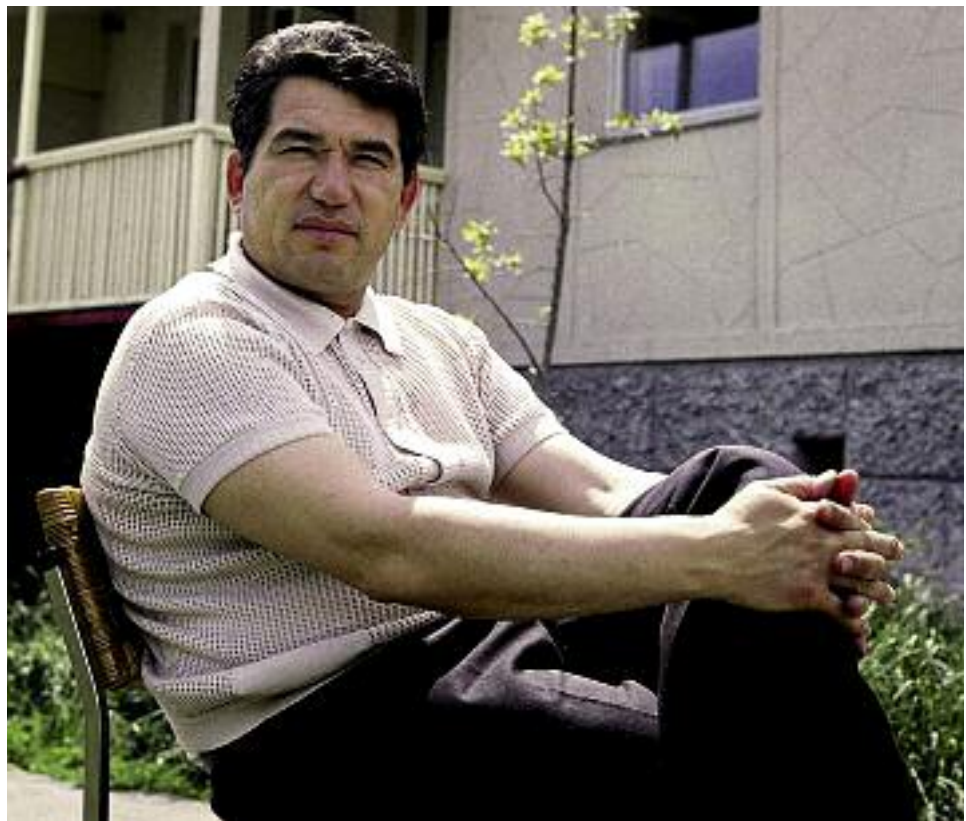
еще в конце 90-х, но Чингиз Айтматов его переосмыслил как писатель, обобщил художественно только в 2008-м, почти два десятилетия спустя после свершившегося факта. Так с Айтматовым отошла целая советская эпоха, хотя многие до сих пор считают, что он был не совсем «советским», а немного другим. В этом, конечно, есть определенная доля правды, поскольку он по сути своей был очень национальным художником, но был русским по языку, киргизом по происхождению, татаринком по матери, универсальным мыслителем и гуманистом по

духу. Правда и то, что он считался коммунистом по мандату, но почти антисоветским писателем по взглядам, по поднятым проблемам и вопросам. Тем не менее Чингиз Торекулович исторически воплощал то полуромантическое, по-своему возвышенное время, когда еще верилось во всеобщее согласие и в силу гуманизма и так естественно было говорить о примате морали и спасительной миссии культуры.

С ним отошел и его век — век XX, который его породил, сформировал как личность и как писателя и который со всеми своими драмами и трагедиями, со многими иллюзиями в начале и столь же горькими разочарованиями в конце отразился в его удивительной судьбе, в личной, семейной биографии. И разумеется, в биографии творческой. Это был его век. И это было воистину великое столетие. Да, люди, народы мира ныне предъявляют гамбургский счет к XX веку. Но можно с уверенностью сказать, что это был век того народа, из которого Айтматов вышел — киргизов. Это был век огромных, поистине невероятных везений для этого небольшого, но очень древнего народа. Нам, киргизам, никогда раньше так не везло, как в этом столетии. Мы слишком долго блуждали — многие сотни, даже тысячи лет — по обочине большой истории до и после переселения с Алтая и из Южной Сибири еще в раннем Средневековье, и наш реальный духовно-исторический потенциал наиболее полно раскрылся только в этом великом столетии.

Я бы выделил самые главные везения. Их, на мой взгляд, было пять.

Это, конечно, советская власть (несмотря на нескончаемые споры об ее политической природе), которая спасла нас

Чингиз Айтматов. 1971 год

от национальной катастрофы 1916 года, когда после кровопролитного антицарского восстания, подавленного карательными отрядами русской армии, киргизы пустились в массовое бегство в соседний Китай. Число погибших от пуль, голода и холода, эпидемий доходило до многих тысяч человек. И мы выжили как народ благодаря этой власти. Второе везение, конечно, социальная политика СССР, которая привела нас к культурно-образовательному возрождению. Об этом говорит и демография: по переписи 1924 года нас было примерно 500 тысяч душ, а в 1959 году — уже миллион человек, спустя 20 лет — два миллиона, а к 2000 году мы приблизились к четырехмиллионному рубежу. То есть в этом столетии мы сохранились как народ, возродились культурно и социально, и этот факт трудно было бы переоценить с исторической точки зрения.

Третье везение — это наше территориальное размежевание и образование Киргизской ССР среди 15 союзных республик. Скитавшиеся по

горам, по альпийским лугам, по зимовьям и летовкам киргизы-скотоводы, которые обретались по всей Центральной Азии, наконец определились территориально по границам своего постоянного обитания. Советское колхозно-совхозное движение, индустриализация страны крепко привязали бывших кочевников к конкретному месту жительства. Тем самым было покончено с их тысячелетним кочевничеством. Так началась новая эпоха — эпоха великого цивилизационного преобразования, нового социального обустройства, глубокой переделки человеческого материала, как говорили бы идеологи советской социальной модернизации.

Четвертое везение судьбы в XX веке — это, разумеется, наша независимость, которая была достигнута не войной и не кровью, а принесена в страну как бы в клюве голубя из Москвы.

Наконец, пятое везение — это, конечно, явление Айтматова. В его судьбе, как в зеркале, отразился целый век — наш киргизский век, — его драмы и

Чингиз Айтматов и Микеланджело Антониони. 1976 год

трагедии, его подъемы и падения. Он как писатель, как гражданин и личность стал для Кыргызстана ярким и самым объемным выражением его всестороннего возрождения, его социально-культурного ренессанса.

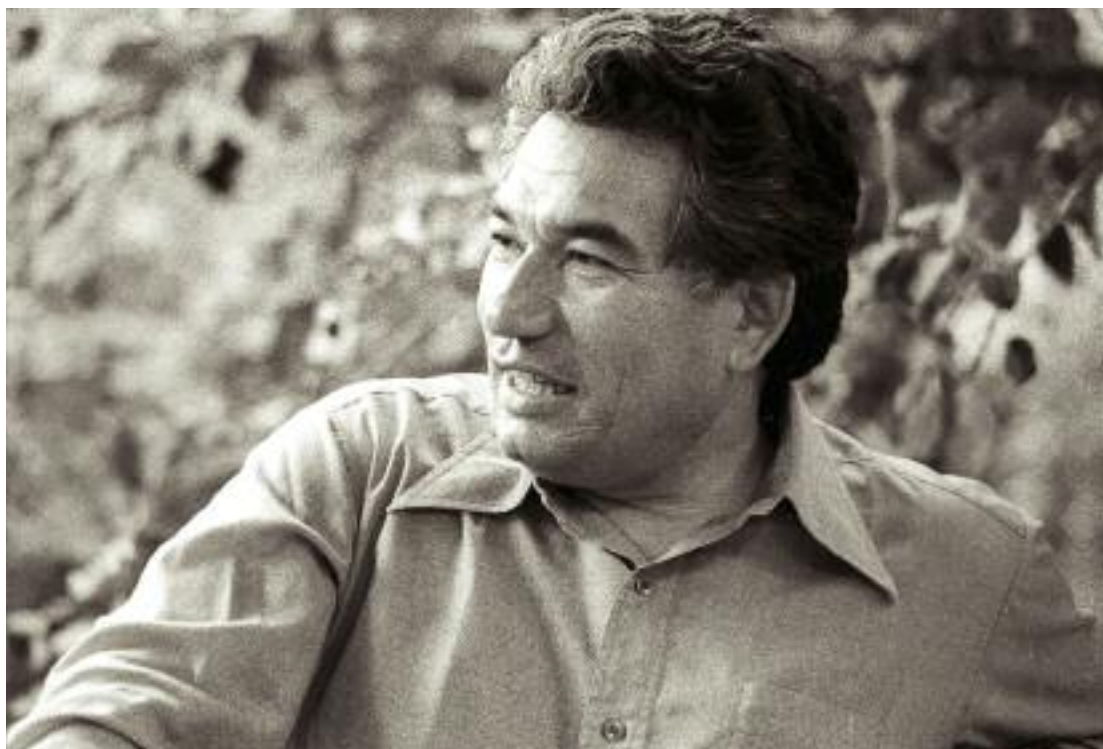
Он родился в 1928-м, спустя одиннадцать лет после революции, и рос типичным советским мальчиком. А его отец, Торекул Айтматов, убежденный коммунист, видный партийный вождь 20–30-х годов, оказался на самом переднем крае политики большевиков, как учитель Дюшэн («Первый учитель») в киргизской глубинке, похожей, по описанию Айтматова, на Тмутаракань. Потом отец, один из партийных руководителей Киргизии, был расстрелян Сталиным по обвинению в национализме. Отрочество и юность Чингиза были искромсаны «Большим террором» и Великой войной. Во многом вследствие таких испытаний у него наступило раннее духовное созревание, он рано стал узнавать глубинные проявления человеческой природы.

Он восторгался величием духа самых простых людей в самое трудное время и одновременно испытал глубокое разочарование в жестокой силе власти, разрушившей его детство и украсившей его юность. В юные годы он очаровался и красотой народного слова, мощью духа и удивительной художественной архитектоникой «Манаса». Именно тогда произошло его приобщение к русскому языку, а несколько позже — вхождение в литературу.

Печальная политическая судьба Торекула Айтматова, действительно много обсуждавшего и говорившего о национальном самоопределении с отдельными своими единомышленниками и расстрелянного за это в 1938 году как враг народа, оставила очень глубокий трагический след в истории этой легендарной семьи, в личной и творческой биографии Чингиза Торекуловича. По свидетельствам, отец писателя принадлежал к числу тех первых руководителей советской Киргизии, которые в глубине души все-

таки мечтали о независимом Туркестане, разговоры о котором — пусть и келейно, в разных кругах тогдашней киргизской и казахской элиты, воспринявших идею Алаш Ордо и Турана (киргизско-казахского союза), — велись особенно активно в начале 20-х годов. Это, конечно, отдельная тема, о которой нужно и должно говорить подробнее. Но во всем этом оказался «виноват» Ленин, который, как свидетельствует американский историк Луис Фишер, считал, что если какие-то окраинные народы захотят отделиться от Советской России, то не следует им сильно препятствовать. Просто, по словам Фишера, большевистский вождь справедливо полагал, выводя знаменитую формулу о праве наций на самоопределение, что эти слаборазвитые, а то и вообще экономически беспомощные народы при всем желании не смогут просуществовать без России.

Однако он все-таки не угадал истинное желание местных национальных элит. Эту мысль сразу же подхватили некото-

Чингиз Айтматов

рые закавказские политические круги. За нее ухватились и отдельные среднеазиатские деятели и почти открыто начали создавать некие объединения и подспудно вынашивать политические планы, не заметив при этом и не придав должного внимания тому, что Сталин, занявший место Ленина, придерживается уже совершенно противоположного взгляда. А Сталин, объявляя себя на словах «верным ленинцем», сразу же взялся за максимальную централизацию власти, начал строить свой тоталитарный монолит. И всех тех, которые только замыслили о самостоятельном пути, выявлял до единого и в конце концов ликвидировал как злостных врагов народа. В том числе и Торекула Айтматова.

Об этой печальной полосе своей жизни Чингиз Айтматов не забывал никогда. Грустные, а то и зловещие отзвуки молодых лет писателя присутствовали в его книгах, в его мировосприятии как в романтические годы хрущевской «оттепели» (период «По-

вестей гор и степей» рубежа 50–60-х годов), так и в эпоху его всемирно известных экзистенциалистских поисков конца века. Это была такая отметина судьбы. Это был такой тяжелый крест, причем совершенно незаслуженный, а потому крайне болезненный и чрезвычайно обидный. Чингиз этот крест — сын врага народа — был вынужден нести в детстве, затем в годы учебы и очень долгое время после. Так было до первой и нелепо громкой писательской славы, которая буквально обрушилась на его голову в конце 50-х — начале 60-х, когда в Москве публиковались его первые культовые повести. Так сформировалась его личность, его вера в идеалы советского строя — и одновременно разочарование в них, даже ненависть к ним. Отсюда и его многолетнее танго с советской империей, его выраженная идейно-эстетическая амбивалентность, близкая к раздвоению. И искушение политикой. Несмотря на горький урок семьи, особенно отца, его всегда тянуло к по-

литике — как Достоевского к карточной игре, и это так мешало его литературному поприщу.

Распад Советского Союза в 1991 году застал его врасплох, и он долго не знал, как быть и что делать в складывавшейся ситуации. И став дипломатом, он мудро решил держаться подальше от мест, где большая история месила только одной ей ведомое тесто. Его творческое дело надолго застыло, он потерял огромную читательскую аудиторию фанатичных почитателей. Размывался его творческий масштаб. Расплывался голос, который раньше идеально соответствовал масштабу огромной империи, занимавшей одну шестую часть суши со ста восьмьюдесятью народами и пятнадцатью республиками. В которых, кстати, добросовестно корпели целые роты, если не дивизии, критиков и литературоведов, которые умножали его славу, до мелочей разясняли его тексты. Очень редко бывает, чтобы писатель одновременно являлся органическим продук-

Чингиз Айтматов на Иссык-Кульском форуме. 1997 год

том своего времени и своей культуры, пропускал через себя все перипетии развития общества и в то же время оставался в роли пушкинского пророка, в роли самого строгого судьи, а также свидетеля и оппонента. Если поискать среди самых крупных советских писателей XX столетия, чей жизненный путь и личная биография так близко совпали бы и отразили бы все трагические перегибы той эпохи, то лучшего примера, чем Айтматов, трудно было бы найти. Да, был Александр Солженицын, но он никогда не сочувствовал советской системе и при первой же возможности вызвал на дуэль огромную коммунистическую державу. Были Борис Пастернак и Анна Ахматова, но они тоже почти никогда не были слишком дружны и согласны с советской политической системой — червь сомнения их мучил с самого начала.

Чингиз Торекулович с малых лет сильно верил в советскую власть, сочувственно относился к ней и в зрелые годы,

хотя его гениальная интуиция позволила ему еще в «Прощай, Гульсары!» (1967) ставить весьма острые вопросы и выносить очень суровые вердикты. Чего стоит выброшенный за борт, сокрушенный морально и опустошенный духовно, всеми забытый старый коммунист Танабай, все время мечтавший о мировой революции, но завершивший свой путь в полном одиночестве. А его оскопленный, мучительно умирающий иноходец Гульсары, этот «человекоконь», кентавр, — образно-психологический двойник Танабая? Примерно такой же оказалась для Айтматова историческая судьба истинного большевика в повести «Первый учитель» (1958), где учитель Дюйшен и забыт, и морально изможден, потерпев поражение в самых сущностных вопросах жизни, любви и человеческого счастья. Такой же предстает перед читателем его ученица-сиротка, одновременно его муза и боль — Алтынай, которая ищет, но не находит ответы на такие же фунда-

ментальные вопросы бытия. Нет никакого сомнения в том, что Айтматов был очень и очень многим обязан Советскому Союзу. Поэтому он его любил, гордился быть его гражданином, представлять за пределами страны и т.д. Огромные культурные масштабы этой супердержавы так соответствовали запросам его духовного мира, размаху его мысли и художественных обобщений, что жить в такой стране, олицетворять ее было для писателя великим благом. Именно поэтому гибель этой огромной евразийской империи, которая и вынесла Айтматова на своих мощных крыльях на широчайшие мировые просторы, переживалась писателем очень болезненно, о чем он так эмоционально и с чувством безысходности написал в своем прощальном романе «Когда падают горы (Вечная невеста)». Но развал советского государства, в лоне которого он вырос и стал одним из его самых знаковых людей, поставил писателя перед новой про-

блемой. Дело в том, что Кыргызстан, его малая родина, оторвался от державы, которую он считал своей родной, одним из первых, а Россия, другие тринадцать республик с их многомиллионными преданными читателями стали для Айтматова уже зарубежьем, пусть и ближним. В итоге писателю все-таки пришлось примириться с произошедшим и в конце концов пришвартовываться к берегу родному. А писателю имперскому, как справедливо охарактеризовал Айтматова один литературный критик, Кыргызстан действительно был слишком малой площадкой, слишком узкой и тесной аудиторией. Сказанное, конечно, не значит, что Чингиз Торекулович не принял или внутренне отверг независимость Кыргызстана. Нет, прошло определенное время, и он все же примирился с действительностью, а через некоторое время вовсе превратился в патриота своей суверенной страны. А это было очень важно для молодой государственности, потому что его поддержка суверенитета Кыргызстана придавала уверенность и надежду в первые годы государственного становления. Он успешно и очень достойно представлял нашу республику в Европе, своей личностью и знаковым именем символизировал Кыргызстан, сопереживал его неудачам и радовался, если был для этого повод. Он выучил текст нашего национального гимна, и я своими глазами много раз видел, как он поет вместе со всеми, и был этим очень горд.

То есть писатель эмоционально пережил все периоды истории СССР: его взлет и падение, годы сталинских репрессий и оптимистическую атмосферу 60–70-х. Но в 80-е он постепенно проникся либеральными западными ценностями. Как и многие передо-

вые представители советской интеллигенции, он глубоко верил в ценности демократии, но — как и все они — не в состоянии был оценить колоссальную человеческую цену тех кардинальных преобразований, последствия которых ощутимы и по сей день. Так закончил свой путь последний писатель империи, истинный патриот киргизской земли, философ и гуманист, певец и самый глубокий печальник ушедшей эпохи. Его последним идейно-политическим причалом, грустью и мечтой, болью и надеждой стала киргизская государственность, ее реальность и будущая судьба. В этом был весь Айтматов. Новый Айтматов. Его реальная жизнь. Конечная точка или последний причал его земной жизни. Его личной судьбы. Его сомнений и тревог. Так замкнулась впечатляющая дуга его уникальной биографии, вернувшись туда, откуда взошла.

Да, Айтматов, несомненно, украшал советскую державу, и недаром его называли писателем имперским, который — в этом-то вся соль — был этническим киргизом, сыном убежденного коммуниста, внуком кочевника, пишущим на русском, живущим в Москве и Бишкеке, ставшим послом СССР, а потом новой России в Люксембурге, а потом суверенного Кыргызстана в Брюсселе. Поэтому в его биографии запечатлелись мощный подъем и падение великой советской империи, трагический излом ушедшей эпохи.

Но самое поразительное то, что он свою скоротечную, почти случайную смерть как бы предугадал, косвенно описал в романе «Когда падают горы (Вечная невеста)», вышедшем всего за полгода до его внезапной кончины (2007). В романе Арсена Саманчина, главного героя произведения, кото-

рого предали все и в жизни и мыслях которого многое идет от самого писателя, автор видел стоящим перед сложнейшей дилеммой — жить или не жить, быть или не быть? И он погиб от случайной пули нелепо — и в то же время столь логично, даже желанно. Звучит парадоксально, но пуля эта была для Саманчина желанной, а физическая смерть — неизбежной. Параллели всегда очень рискованны, но тут невозможно не провести аналогию с великим романом Франца Кафки «Процесс», где герой умирает почти так же, как в романе Айтматова. То есть жизнь у него как бы теряет всякое содержание, смерть становится спасением и избавлением от этой экзистенциальной бессмыслицы, и когда его добывает конвоир (он был подследственным), он почти благодарит его за это.

Конечно, между мирами и героями Кафки и Айтматова — огромная культурная дистанция. То же самое можно было бы сказать и о Хемингуэе, о Камю, с которыми исследователи очень любят сравнивать Айтматова. Но существует и безусловная общность, которая их всех объединяет. Это общность кризиса базовых человеческих ценностей, общность утраты смыслов, общность в понимании человеческой борьбы за себя, за идеалы, за жизнь, наконец. История XX столетия не одного только Айтматова заставила, «плача на коленях, восставать во гневе» (это его фраза), жить в бесконечной надежде, в то же время жестоко сомневаться в самых сущностных гуманистических ценностях, утратив прежние иллюзии. Для героев Хемингуэя важно не сдаваться, не заикнуться, поэтому его герои — одиночки, они борются в одиночестве и нередко предпочитают — как, впрочем, и сам писатель — смерть моральной капитуля-

Чингиз Айтматов и Аскар Акаев

ции. Камю же видел в жизни человека XX века истинное — буквально сизифово — благо-родство в борьбе, но видел и экзистенциальное отчаяние перед неразрешимыми вопро-сами бытия, поэтому и объ-явил, повторяя Шопенгауэра, что основной вопрос фило-софии — это самоубийство.

Но айтматовская филосо-фская дилемма — это дилемма несколько иного уровня. Это прежде всего вопрос этиче-ского спасения человека, спа-сения в человеке Человека, глубокая вера в него и в то же время отчаяние от того, что че-ловек не способен подняться выше истории, преодолеть фа-тум, «изнасиловать судьбу», как однажды выразился тот же Хемингуэй. Поэтому исто-рия для Айтматова — это не-кий демиург, это тяжелый крест и одновременно плаха, великое благо и сущий ад. Это неуправляемая, движимая тол-пой и ее узкокорыстными ма-нипуляторами стихия, которая и возвышает человека до не-бес, и порой подавляет его и до неузнаваемости деформиру-ет.

Фактически роман «Когда па-

дают горы (Вечная невеста)» получился своеобразным про-должением «Буранного полу-станка», «Плахи» — экзистен-циальным плачем по утрачен-ной великой стране и ушед-шей эпохе. Но мучительные поиски рухнувших иллюзий и утраченного времени, как и в одноименном романе Мар-селя Пруста, ничего хорошего не принесли, и в своем эпита-фическом реквиеме в прозе он вольно или невольно пророче-ски предугадал уже свою судь-бу. Предвидел собственный конец, описав кончину Арсе-на Саманчина, в образе кото-рого легко узнается сам писа-тель. Предвидел — и это самое удивительное — близкую судь-бу Кыргызстана, который он так любил и за который он очень тревожился, даже бо-ялся — как казалось, без види-мой на то причины. И в по-следнем романе он пророче-ски описал эти выстрелы (за-долго до того, как они про-звучали в реальной жизни в 2010-м), эти убийства, пред-угадал террор, настоящий кид-неппинг, взятых в плен за-ложников, власть тьмы и взбе-сившихся мырков, политизи-

рованных люмпенов. Роман получился грустным повество-ванием о том, как разрушилась Гора, как не сбылась Мечта. Осталась только Вечная неве-ста — свет его очей, закатные грезы неостывшей души, по-следняя спасительная соло-минка, но похожая уже на ми-стику...

Сначала он сам простился с Арсеном Саманчиным, сде-лав его своим литературным двойником, наделив его собст-венными чертами и оплакивая его кончину на страницах кни-ги. Потом, спустя несколько месяцев, мы простились с ним самим.

А его кончина в 2008-м по сей день остается очень туманной и загадочной — если не сказать подозрительной. Прошло не-сколько лет, но о ней не ути-хают споры, и появляются все новые догадки и версии. Бо-лезнь Айтматова в Казани, на родине его этнических пред-ков по материнской линии, была действительно до стран-ности скоротечной, внезап-ной. Словно его сразил меч Кассандры, будто его срочно позвала в иной мир некая судьба, свалила зловещая коса

смерти, поджидавшей, подстерегавшей его именно там. После не очень долгого недомогания он потерял сознание. Затем впал в кому и скончался. Как гласило заключение консилиума местных врачей, у него отказали обе почки, произошла полная дисфункция печени, случилась пневмония обоих легких, к тому же его организм поразил жесточайший септический шок. То есть весь его организм одновременно отказался функционировать, а Чингиз Торекулович и слово не успел сказать своим близким. Которых, кстати, и не подпустили к нему. С ними не стали даже ничего согласовывать, когда потерявшего сознание писателя решили отправить самолетом не в Москву, а почему-то в немецкий Нюрнберг. Действительно, складывается впечатление, что он не умер, а погиб при весьма загадочных обстоятельствах.

Поклонники Айтматова часто спорят и гадают, откуда у него этот греческий, античный трагизм, из книги в книгу кочующие эсхатологические мотивы, этот, говоря по Фрейдю, инстинкт смерти и явные пароксизмы безысходности, но в то же время и такой мощный всепобеждающий позыв жизни? Ответить на этот вопрос нелегко, но сделать некоторые предположения, думаю, можно. Да, это он сказал: «За все в жизни есть расплата, как за жизнь есть расплата смертью». Мысль, конечно, не нова, но в устах Айтматова, писателя очень успешного, к тому же советского, поэтически обязанного быть хотя бы «историческим оптимистом», она многим тогда показалась тривиальной, даже некоторой позой. Действительно, мысль о смерти его всегда очень сильно беспокоила, будоражила его пламенную и в то же время глубоко израненную с детства душу и никогда его не покида-

ла. Мощный позыв жизни существовал с инстинктом смерти, обостренным чувством конечности века человеческого.

Не думаю, что он так боялся смерти, страшился перед ее неотвратимостью, как, например, Гоголь, сошедший из-за этого с ума, или считал ее основным вопросом бытия и философии, как Альбер Камю. Но он хорошо знал, что она может наступить в любую минуту, встреча с ней может быть за первым же углом. И смерть действительно встретила его так внезапно, буквально на пути, будто вылезла, выпрыгнула из-за угла, подмигивая хитро и заманивая в иной мир, говоря: «Пора уже!» — как черт у Фауста, как бесы у Пушкина, как Демон у Лермонтова.

Айтматов не оставил завещания, но оставил свои книги и ушел из жизни, как может уйти таинственный странник, как пушкинский Арион. О многом хотелось бы у него спросить, но, увы, не спросили, да и он бы не ответил. Но один эпизод из его внутренней жизни лично мне хорошо запомнился.

Дело было в 2007 году. Он в прямом эфире давал интервью «Голосу Америки», и журналист у него спросил: «Чингиз Торекулович, если бы была такая возможность, кому бы из тех, которых Вы хорошо знали и которые ушли в иной мир, Вы бы написали?» Незамедлительный ответ писателя был такой: «Я бы, пожалуй, написал Александру Трифоновичу Твардовскому». Это было удивительно. Человек захотел войти в некую связь с потусторонним миром. В эфире зависла тишина, и потом писатель задумчиво добавил: «Я бы хотел ему написать...» Журналист не унимался и продолжил вопрос: «Еще кому бы Вы написали, Чингиз Торекулович? Из ваших друзей, единомышленников?» Писа-

тель ответил: «Я бы еще написал Александру Николаевичу Яковлеву. Мы были очень близки и много и от души с ним общались по разным вопросам жизни. Было бы у меня о чем написать ему тоже и... спросить».

Так он завершил свою земную жизнь. И эта жизнь, эта судьба, эта удивительная биография пришла к своему логическому итогу. Только оплакивая его внезапную кончину, мы поняли, что эта удивительная эпохальная песнь, песнь этого великого столетия по имени Айтматов, увы, действительно допета. Что судьба этого человека, судьба этой удивительной личности была испытана до конца...

Когда умер Айтматов, кто-то очень метко сказал, что киргизы хоронят целую эпоху и едва ли не самого выдающегося соотечественника. В этом не было никакого преувеличения. Так ушел последний трубадур, заблудившийся в эпохах, ушел киргизский Арион, воспевавший любовь и очарованный красотой сущего. И взгрустнувший при виде всех трагических несовершенств человека.

Мне часто вспоминается строчка из его давнего незавершенного произведения:

«И в опустевшее поле выбегает белый скакун без седока...»

Я до сих пор считаю, что Айтматов так и испарился, превратился в белое облако, ушел куда-то в неизвестность, в пустоту инфинити и не вернулся больше. Он вознесся в небо, куда так часто устремлял свои взоры, а белый его скакун выбежал в опустевшее и осиротевшее поле уже без седока. Слышно только пронзительное ржанье коня, и затем полная тишина, и опять ржанье, уходящее вдаль, отдающееся дальним эхом и медленно растворяющееся в бесконечности времени и пространства...